ТЕНДЕРЪ СТРУЯ.

Тяжело бываетъ для судовъ нашихъ крейсерство у восточныхъ (Абхазскихъ) береговъ Чернаго моря; тутъ мѣсто открытое, во все море, до самого Цареградскаго пролива и до береговъ Дунайскихъ; тутъ берега приглубые, крутые, грунтъ не надежный, защиты нигдѣ и никакой. А каково же здѣсь въ позднюю осень, или зимой?

Въ мѣстахъ этихъ, около укрѣпленія нашего Новороссійска, по часту случаются такіе штормы, изъ нордостовой четверти, что ихъ въ другихъ мѣстахъ и не знаютъ, а здѣсь дали имъ особое названіе: *бора.* Говорятъ, что отъ боры этой и на берегу ни одинъ человѣкъ на ногахъ своихъ устоять не можетъ; каково же терпѣть бору въ морѣ, у опасныхъ береговъ, да еще при жестокомъ морозѣ?

Обыкновенно передъ борой на горномъ хребтѣ, который тянется вдоль бухты, показываются клочья облаковъ, кои вскорѣ отрываются и разносятся, на ихъ мѣсто изъ

за–горъ показываются новые, а между тѣмъ налетаютъ шквалы, покачиваясь туда и сюда румба на четыре. За тѣмъ налегаетъ на заливъ и самая бора, вздуваетъ воду, срываетъ полосами верхушки валовъ, крушитъ и ломаетъ все.

Въ исходѣ Ноября 1847 года стояли въ бухтѣ Новороссійской фрегатъ *Мидія*, бригъ *Аргонавтъ*, тендеръ *Струя* и транспортъ *Березань*, когда налегла на малую эскадру эту бора. Для стоянки здѣшней положены мертвые якоря пудовъ по 300, и притомъ попарно, съ грунтовыми цѣпями: но фрегатъ потащило съ этими якорями (съ бриделемъ). Брошенный на помощь судовый якорь удержалъ фрегатъ, саженяхъ въ 50 отъ мели. На тендерѣ Струя лопнула своя (судовая) цѣпь отъ бриделя и тендеръ едва не погибъ. Съ бригомъ Аргонавтъ случилось еще хуже: носовая часть его, обдаваемая брызгами, при сильномъ морозѣ, до 13 градусовъ, стала обмерзать и отъ наслойки льда, сплошь отъ гальюна до русленей и подъ ними, начала грузнуть въ воду. Отъ этого и вода,

попадавшая всплесками на палубу, также вся скатывалась къ баку и замерзала. Вся палуба, рангоутъ, снасти, шлюпки на баконцахъ, все покрылось слоями льда, который намерзалъ толще и толще, а носъ все болѣе погружался. На бѣду, отвалившейся льдиной выбило еще погонный полупортъ, и покуда успѣли задѣлать его, много воды налилось въ палубу и она также замерзла подъ бакомъ.

Для облегченія носовой части брига бросили два якоря, перетащили носовыя коронады на корму, но этого было мало: ледъ намерзалъ горой и погружалъ носъ. Команду раздѣлили на три смѣны и она обрубала ледъ — но люди не могли вынести рѣзкаго шторма, при сильномъ морозѣ; одежда на нихъ вся леденѣла въ четверть часа, руки и ноги костенѣли, брызги разъ въ разъ обдавали и снасти и судно и людей, да тутъ же и примерзали. Эта тяжкая работа длилась 16 часовъ сряду и командиръ брига, Капитанъ 2 ранга Рюминъ, не можетъ нахвалиться терпѣніемъ и стойкостію команды, говоря,

что еслибы матросы хоть немного исплошились въ работѣ, то бригъ погибъ бы. Наконецъ бора затихла и бѣдный Аргонавтъ поправился.

Но все это только присказка, а быль впереди. Это цвѣточки, а вотъ и ягодки.

12–го Января 1848 года на этомъ же рейдѣ стояли на бриделяхъ: фрегатъ *Мидія*, Капитанъ 1 ранга Касторфъ; корветъ *Пиладъ*, Капитанъ 2 ранга Юрковскій; бригъ *Паламедъ*, К. Л. Вердеманъ; шкуна *Смѣлая*, Лейтенантъ Колчинъ, и тендеръ *Струя*, Лейтенантъ Леоновъ; да стояли на своихъ якоряхъ: пароходъ *Боецъ*, Капитанъ 2 ранга Рыкачевъ, и транспортъ *Гостогай*, Лейтенантъ Щеголевъ. Съ утра погода и вѣтеръ были непостоянны, въ полдень стали показываться смерчи, погода стала стращать борой отъ NO, и потому реи и стеньги на всей эскадрѣ были спущены. Набѣгали жестокіе шквалы, а часа полтора за полдень на корветъ набѣжалъ смерчь, которымъ положило его на–бокъ и сорвало съ двухъ цѣпей. Корветъ насилу удержался на двухъ якоряхъ своихъ — а между тѣмъ

бригъ Паламедъ, въ полуторѣ кабельтовыхъ, штилевалъ; якорныя цѣпи его обвисли! Вскорѣ заревѣла бора и къ ночи морозъ усилился до 16 градусовъ.

Свидѣтели говорятъ, что этого страха и ужаса нельзя ни вздумать, ни описать. Такого урагана никто и никогда въ жизнь свою не видалъ; при этомъ трескучій морозъ, ревъ моря и урагана, что въ двухъ шагахъ не слышно команды, ни голоса человѣческаго; ледяныя брызги несутся и кружатся по воздуху, какъ носятся снѣжинки въ мятель — но ледъ этотъ рѣжетъ лицо и руки, а отъ густоты ледяныхъ капель меркнетъ свѣтъ; каждая волна, вскатываясь, стынетъ на взлетѣ и замерзаетъ на корпусѣ судна, на палубѣ и куда попадетъ — и назадъ въ море откатывается мало воды, вся остается ледянымъ слоемъ на суднѣ.

Отстаиваясь на рейдѣ, всѣ суда эти обмерзли кругомъ и сплошь наслойными льдинами; снутри также все замерзло, куда только вода попадала; сбиваемыя бурей со снастей льдины падали и били людей,

которые сами чуть не примерзали тамъ, гдѣ стояли и работали. Командиръ и офицеры только дивились матросамъ нашимъ, которые не поддавались ни урагану, ни смерчу, ни морозу, а работали безъ ропота и безъ устали, сколько въ комъ было силъ. Ни страху, ни безтолочи и безпорядку, ни жалобъ и плачу: всѣ молча дѣлали свое дѣло, крестясь по временамъ и полагая надежду на Бога и начальство.

Ночью лопнула цѣпь подъ бригомъ Паламедъ; брошены два якоря, потомъ и третій; бригъ удержался на 26 футахъ. Но волненіемъ и льдинами выбило погонный портъ: всѣ офицеры кинулись къ этому бѣдствію, три раза заколачивали портъ досками, и доски опять напоромъ волнъ выбивало и отбрасывало работниковъ; вода заливала палубу и мерзла подъ бакомъ, а носъ все болѣе тонулъ. Бригъ не сталъ уже подыматься на волны, которыя начали перекатываться черезъ него, и рабочіе поневолѣ вовсе отступились отъ обрубки льда.

Бригъ опять стало дрейфовать и въ 5 часовъ утра онъ ударился кормою такъ, что руль выбило. Трюмъ, а затѣмъ и кубрикъ налился водой; бригъ поворотило лѣвымъ бортомъ къ берегу, повалило, начало бить всѣмъ лагомъ обо дно, и выбило гротъ–мачту. Къ счастію еще, что его повалило палубой подъ вѣтеръ — иначе не было бы угла, гдѣ бы можно было укрыться отъ волнъ.

Къ расвѣту бригъ прибило къ самому бирегу; пятеро удалыхъ матросовъ вызвались передать на берегъ конецъ: они сѣли въ шестерку, которую сорвало съ боканцевъ; имъ и всего–то надо было прогрести до берегу съ полкабельтова — но волной захлеснуло и опрокинуло шлюпку и всѣ пятеро погибли. Не прежде какъ около полудня, когда бора временно нѣсколько стихла, удалось, при помощи жителей, свезти команду на берегъ. Командиръ, офицеры и много нижнихъ чиновъ приняты были въ госпиталь, съ ознобами.

Таже судьба постигла транспортъ Гостогай. Онъ стоялъ на своихъ якоряхъ,

потому что всѣ бридели были заняты, и свечера бросилъ третій якорь, а потомъ еще два верпа гуськомъ; но его потащило со всѣхъ якорей и въ 4 часа утра ударило объ мель и вышибло руль. Отъ бою сдѣлалась течь и вода поднялась на 6 футъ. Снутри и снаружи все судно обросло аршинною корою льда.

Всю команду и бывшихъ для перевозу 30 солдатъ услали на низъ, закрыли люки и старались согрѣться. Командиръ судна говорилъ, что хотя люди почти замерзли на верху, покуда шла работа, и всѣ окоченѣли, такъ что едва ходили, но что онъ ни отъ кого не слышалъ жалобы и ни одинъ человѣкъ до приказанія не ушелъ на низъ.

Съ расвѣтомъ увидѣли, что транспортъ принесло очень близко къ берегу; не смотря на это съ большимъ трудомъ перевезли команду, чуть живую, и многіе познобили руки и ноги.

Пароходъ Боецъ пришелъ только наканунѣ этого бѣдоваго дня, за углемъ; онъ также долженъ былъ отстаиваться на своихъ якоряхъ. Въ полночь держался онъ

на двухъ якоряхъ, вытравивъ у однаго 40, а у другаго 90 саженъ цѣпи, затѣмъ, въ помощь якорямъ, развели пары и пустили машину полнымъ ходомъ. Не смотря на это не могъ онъ ничего сдѣлать противу порывистаго урагана, который все болѣе свирѣпѣлъ: въ 2 часа лопнула одна якорная цѣпь, а въ 4 часа пароходъ потащило съ якоремъ и съ парами; въ 6 $^1/_2$ часовъ положило его лѣвымъ бокомъ къ берегу, саженяхъ въ 20. Пароходъ затопили, чтобы его небило о дно морское, а затѣмъ, передавъ кабельтовъ на берегъ спасли всю команду.

Съ расвѣтомъ 13–го бора усилилась до нильзя: мгла отъ пасмурной погоды и отъ носимыхъ по воздуху ледяныхъ брызговъ была такая, что вмѣсто свѣту стояла тьма. Только порою, когда съ ураганомъ набѣгала свѣтлая полоса, съ флагманскаго фрегата видно было, что на рейдѣ устояли: тендеръ Струя, на бриделѣ, на своемъ мѣстѣ, хотя за мрачностію виденъ былъ одинъ только рангоутъ его; корветъ Пиладъ, сорванный съ бриделя, держался на вольной водѣ, на

своихъ якоряхъ; прочихъ никого не было видно.

Къ ночи казалось съ фрегата, будто на тендерѣ сдѣланы были сигнальныя вспышки и будто стрѣляли изъ пушекъ; но вѣрнаго ничего нельзя было видѣть, ни слышать, хотя онъ стоялъ только въ четырехъ кабельтовыхъ отъ фрегата!

13–го по полудни потащило съ трехъ якорей корветъ Пиладъ. Онъ бросилъ еще два запасные якоря: но въ 8 часовъ вечера и онъ не миновалъ участи своей, ударившись кормою объ мель. Сняли руль съ петель, чтобъ его не вышибло; корветъ било обо дно, вода стала прибывать, и дошла до двухъ футъ, но команда, кинувшись дружно къ помпамъ, выкачала ее. Къ 9–ти часамъ утра (14–го Января) корветъ стоялъ на мели всѣмъ килемъ, врѣзавшись кормою на 7, а носомъ на 3 фута въ грунтъ. Только 15–го числа, при помощи жителей, команда свезена была на берегъ; 7 офицеровъ и 42 нижнихъ чина отправлены въ госпиталь съ ознобами. Капитанъ Юрковскій хвалилъ и

благодарилъ команду, за послушаніе, терпѣніе и стойкость ея.

Шкуна Смѣлая стояла на своемъ мѣстѣ, на бриделѣ, и хотя бѣдствовала отчаянно, однакоже съ помощію Божіею, при распорядительности командира, Лейтенанта Колчина, заботливости офицеровъ и непомѣрныхъ усиліяхъ вѣрной команды, спаслась. Двои сутки сряду всѣ были въ авральной работѣ, всѣ вооружились топорами, тесаками, абордажнымъ ручнымъ орудіемъ всякаго рода и неотступно обивали ледъ, которымъ бѣдное судно обростало кругомъ, будто наважденіемъ какимъ, и все погружалось глубже въ бездну. Для облегченія бросили оба якоря, хотѣли сбросить даже орудія — но они обмерзли горою льда и не было возможности ихъ высвободить. Рано утромъ 14–го числа командиръ увидѣлъ, что всего этого мало, что шкуна грузнетъ и должна затонуть. Но живой живое гадаетъ; не будь плохъ, не покинетъ и Богъ: сбросили въ море брифокъ–рей, отрубили утлегерь; шкуна вынырнула! Вся команда и

всѣ офицеры бросились опять обрубать ледъ вокругъ, сваливая глыбы его въ море, и шкуна уцѣлѣла! Не будь у меня такихъ отличныхъ матросовъ, такой покорной и вѣрной команды — доносилъ послѣ командиръ — мы бы всѣ неминуемо погибли.

Осталась за нами быль о тендерѣ Струя: быль горестная, печальная, которую больно расказывать. 14–го Января, когда ободняло, увидѣли съ фрегата, что надъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ бѣдный тендеръ, торчитъ только топъ мачты его съ салингомъ: это былъ крестъ, надъ могилою 52 человѣкъ, заживо погребенныхъ. Командиръ, Лейтенантъ Леоновъ, Мичманы Обезьяновъ и Ковалевскій, штурманъ Скогоревъ, 4 унтера, 37 рядовыхъ и 7 нестроевыхъ — всѣхъ смерть сравняла, черезъ всѣхъ перекатывалась таже волна, покачивая общій гробъ ихъ, съ наклоненнымъ на бокъ крестомъ.

Флагманскій фрегатъ отстоялся благополучно. И такъ, изъ семи судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, одно затонуло отъ

намерзшаго льда, четыре выкинуто на берегъ, а два только выстояли на якоряхъ. Впослѣдствіи всѣ сняты съ мели, кромѣ брига Паламедъ, который разбило о каменья.

Тендеръ Струя, который, по растаяніи льду, потонулъ вовсе и сѣлъ на дно на глубинѣ 38 футовъ — тендеръ былъ поднятъ уже въ Августѣ. Трупъ командира узнали по карманнымъ часамъ его, которые остановились на 10 $^1/_2$ часахъ. Вѣроятно не за долго до этого времени — утра или вечера? — тендеръ затонулъ. И тендеръ, какъ прочіе снятые съ мели суда, отправленъ былъ для починки въ Севастополь.